

Ю.А. Черных

Пермский государственный научно-исследовательский университет

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «СОБАКА» В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается лексика, связанная с концептом «собака», в русском поэтическом дискурсе XVIII–XXI вв. Зооморфизмы, будучи результатом метафорического наделения людей поведенческими качествами животных, представляют собой широкое поле для исследования методами когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, стилистики, семантики и других дисциплин, изучающих словообразовательные возможности языка и предпосылки для них в национальной культуре. Поэтический дискурс, по своей природе особенно богатый метафорами, представляет читателю мотив и результат такого рода переноса «качество животного – сходное качество у человека», постоянно выдвигая анималистическую лексику в претенденты на прочное обособление во фразеологизмах, паремиях и иных лексических единицах, фиксируемых впоследствии в словарях.

Собака, концепт, метафора, зооним, зоосемизм, поэзия, дискурс.

Лингвистический термин «концепт» является одним из основных понятий современного языкознания, благодаря которому в том числе исследуется влияние определенного языка на мировоззрение и культурную самоидентификацию его носителя. Концепт подразумевает содержательную сторону того или иного осязаемого, интерпретируемого явления, из-за чего присутствует как одно из ключевых языковедческих понятий не только в когнитивистике, но и в семантике, лингвокультурологии, психолингвистике и иных научных направлениях.

По мнению польского исследователя А. Вежбицкой, концепт есть «...объект из мира “Идеальное”, имеющий имя и отражающий определенные культурно обусловленные представления человека о мире “Действительность”, который нам дан в мышлении (не в восприятии) именно через язык, а не непосредственно, причем одному и тому же имени (слову) в психике разных людей могут соответствовать разные ментальные образования. Тем самым, не только разные языки преломляют действительность по-разному, но и за одним и тем же словом данного языка в сознании разных людей могут стоять разные концепты» [22, с. 23]. Подобным образом этот термин трактует Л.О. Чернейко: «Конструкт, репрезентирующий ассоциативное поле имени, но не равный ему» [20, с. 314]. Она же полагает, что «содержание концепта включает в себя содержание наивного понятия, но не исчерпывается им, поскольку охватывает все множество прагматических элементов имени, проявляющихся в их сочетаемости» (Там же, с. 287–288). Интересным для рассмотрения может быть точка зрения философа-концептолога С.Х. Ляпина, предложившего достаточно универсальное определение явления: «Концепты – самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный базис, закрепленный в значении какого-либо знака» [18, с. 47; 11].

Говоря о поэтическом дискурсе, следует отметить, что трактовка данного понятия (дискурс) может различаться в зависимости от интерпретирующей его стороны. Типы дискурса определяются в рамках сферы своего функционирования и назначения. К примеру, поэтический дискурс обладает особым набором инструментов и методикой их применения для передачи эмоционального восприятия мира и художественной коммуникации с потенциальным читателем. Русский национальный поэтический дискурс – многомерное понятие, в котором авторы тех или иных текстов зачастую оперируют привычными народу понятиями в метафорической интерпретации для передачи той или иной формы эмоционального самоопределения и манифестации чувств.

Метафора становится когнитивным решением, а не средством витиеватого «украшательства» произведения, поэтому метафора, обращенная к любому широкому известному концепту, моментально анализируется носителем языка и культуры и понимается верно, как и должна пониматься по задумке автора.

Лингвокультурологический термин «зооморфизм» обозначает процесс наделения людей качествами животных, тогда как обратный процесс называется «антропоморфизм» – наделение животных качествами людей. Оба они чрезвычайно важны для формирования зооморфного кода любой культуры и отражения в языке концептов, связанных с животными и переносом их поведенческих качеств на людей. Компоненты значения того или иного зооморфного концепта способствуют осмыслению поведения человека через присущие животным бихевиориальные маркеры. Таким образом, животный мир способствует метафоризации языка, постепенно становясь полноправным участником почти всех входящих в него дискурсов.

Зоосемизмы (иначе – зооморфизмы) трактуются как вторичные, метафорически обусловленные наименования, спродуцированные на основе названий жи-

вотных – зоонимов [4; 14; 16; 19]. Зооморфный код любой культуры выявляет глубинное мировосприятие принадлежащих к ней людей и всегда отличается национальным своеобразием. Как домашние, так и дикие животные играют роль символов в мифологической и поэтической картинах окружающего мира, становясь эталонными носителями определенных качеств человека. По мнению Р.Д. Сетарова, национальное своеобразие может проявляться в типичных ассоциациях, связанных с тем или иным образом, то есть в индивидуальной специфике образной основы [15, с. 95]. Моделируя общую картину мира, зооморфные метафоры приобретают очерченные концептуальные черты, закрепляясь во фразеологическом и паремиологическом лексиконе и образуя понятный всякому носителю языка концепт.

Метафора играет в поэтическом дискурсе одну из ключевых ролей, способствуя развитию и взаимодействию языковой, художественной и концептуальных сфер, в том числе благодаря слиянию образа и смысла и выбору кратчайшего пути к сущности объекта. Благодаря удивительным, почти бесконечным возможностям метафоры, стихотворение может передавать реципиенту не только художественно-описательное содержание эмоций автора, но и легко расшифровываемый дополнительный смысл, аллюзии, обращающие внимание читателя на философское содержание замысла произведения.

Концептуальный образ собаки в русской философской и литературной сокровищнице зачастую метафорически отражает спектр чувств и намерений, связанный с нравственным выбором. Выбор может осуществляться как человеком, так и собакой, чье поведение в гротескной или драматической форме также обращено к человеку или его совести. Не только в поэзии, но и в прозе сквозь призму собачьей судьбы читатель может легко найти отсылки к собственным поступкам, которые могут оказывать и негативное, и позитивное влияние на его личность. Трагическое произведение Ивана Тургенева «Му-му» – великолепный пример такого рода литературы. Кроме того, собаки, вышедшие из-под пера поэтов или литераторов, выполняют роль макетов для разнообразных людских характеров, чьи черты легко узнаваемы в обывателе.

В русской поэзии концепт «собака» получил многогранное раскрытие; к нему обращались Г.Р. Державин, Б.В. Заходер, И.А. Крылов, С.В. Михалков, З.Н. Гиппиус, С.А. Есенин, Ю.П. Мориц, Э.А. Асадов, Н.М. Рубцов и многие другие. Современные российские поэты, набирающие популярность в XXI веке, также не обошли своим вниманием особую связь человека и его вечного спутника – собаки.

Так, Гавриил Державин оставил потомкам два знаковых стихотворения, посвященных собакам. Первое из них может рассматриваться как стихотворный философско-сатирический фельетон, уже основываясь на его названии: «На смерть собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти». *Увы! Сей день с колен Милушка / И с трона Людовиг пал. – Смотри, / О смертный! Не всё ль судьб игрушка – / Собачки и цари?* [9, с. 91, 158]. В данном случае кон-

цепт «собака» интерпретируется Гавриилом Державиным как подразумевающий некое существо, не способное выжить при роковом стечении обстоятельств. Автором проводится отсылка к слепому фатуму, который уравнивает как малых животных, так и великих правителей, подчеркивая тщетность попыток управлять своей судьбой. Второе стихотворение представляет собой эпитафию, высеченную на условном надгробном камне, под которым покоится его любимая собака небольшого размера по кличке Горно-стайк, в обиходе – Тайк(а). *Здесь пёсик беленький лежит, / Который Горностаиком звался. / Он был тем мил и знаменит, / Что за хозяина вступался / И угрождал не низкою какой, / А твёрдой львиною душой; / Ворчал, визжал – но так забавно, / Что и сердясь, пел сопрано.* Державин подчеркнул в эпитафии качества характера ушедшего питомца: несмотря на свой размер, он имел сильную волю, а не вел себя заискивающе перед большими, по сравнению с ним, существами (возможно, другими собаками или людьми) – вплоть до того, что готов был защищать хозяина. Сравнивая его поведение и привычки с поведением условного человека (пел сопрано, сердился), поэт не рассматривал Тайка как неразумное существо, но максимально наделял маленького друга поведенческими привычками человека. В 1807 году поэт создал оду другой своей собаке, назвав ее «Милорду, моему пуделю» [26, с. 393], а год спустя еще одну эпитафию «На памятник прекрасного пуделя» [6]. Данные произведения, очевидно, относятся к бурлескному жанру, то есть комической поэзии. Тем не менее, и в них наблюдается тенденция к переносу анималистических поведенческих черт на поведение людей: *Под камнем сим Милорд, кудрявый пёс прекрасный, / Почует по-гребён, счастливейший из псов: / Он ел, он пил, он спал, он вел век сладострастный, / Деля жен множеству нежнейшую любовь; / А сверх того всегда не упускал резвиться / Между прекрасных дев, в диванах, по коврам. / Милорды роскошь! придите прослезиться / У гроба здесь его: он был подобен вам* [26, с. 436].

Великолепное наследие для изучения зооморфного дискурса в русской поэзии оставил баснописец Иван Андреевич Крылов [17]. Практически все его творения посвящены тем или иным чертам характера, которые нравственному человеку следовало бы воспитывать, преодолевая себя. Буквально все басни косвенно высмеивают нежелательное поведение, описывая его на примерах зверей, в чьих поступках легко угадываются определенные человеческие замашки. Русская речь получила в наследие от Крылова бесценный запас паремий с анималистическим компонентом, прочно обосновавшихся в языке в качестве крылатых выражений и фразеологизмов, которые не покинули актуальный лексикон носителей языка до сей поры. Концепт «собака» встречается в баснях достаточно часто, обладая разными коннотациями и аллюзиями к тем или иным неблагоприятным поступкам, присущим людям. К примеру, произведение «Две собаки» наполнено сатирическими метафорами, высмеивающими угодливость и притворство, обличая несправедливое отношение к дворовому псу (символизирующему, скорее всего, низкооплачиваемых ра-

ботяг) со стороны элиты и тех, кто в нее недавно влился. Герой «Двух собак» Жужу волею судеб попал в барский дом. Барбос же, второй, менее везучий представитель собачьего рода, остался сторожить имущество во дворе: «...ты как живёшь?» – «Я, – отвечал Барбос, / Хвост плетью опустя и свой повеся нос, / – Живу по-прежнему: терплю и холод, / И голод, / И, сберегаячи хозяйский дом, / Здесь под забором сплю и мокну под дождём; / А если невпопад залаю, / То и побои принимаю». Барбос спрашивает у Жужу о том, как ему удалось остаться в барском доме, и получает вполне предсказуемый ответ: «Да чем же ты, Жужу, в случай попал, / Бессилен бывши так и мал, / Меж тем как я из кожи реусь напрасно? / Чем служишь ты?» – «Чем служишь! Вот прекрасно!» – / С насмешкой отвечал Жужу. / «На задних лапках я хожу» [7, с. 33].

Моська – другой кинологический герой басен Ивана Андреевича Крылова, чье имя было выбрано, скорее всего, из-за вошедших в моду в пору написания басни «Слон и Моська» мопсов, которых в обиходе зачастую называли «моськами». Моська – метафорический образ человека, который наводит искусственные суету и переполох, презентуя себя как оратора, не страшась обличать влиятельных особ, дабы остальные увидели, насколько он силен духом и готов к прилюдной пикировке с тем, кого остальные боятся. *Вот то-то мне и духу придаёт, / Что я, совсем без драки, / Могу попасть в большие забавки. / Пускай же говорят собаки: / «Ай, Моська! знать, она сильна, / Что лаёт на Слона!»* [8, с. 8].

Обращение к собаке как образной метафоре есть и у А.С. Пушкина. По воспоминаниям близких, его дневниковым записям классик очень любил собак, однако национальные культурные стереотипы способствовали выбору воспринимаемых современниками ругательств в его поэзии, в том числе и основанных на интерпретации концепта «собака». К примеру, во «Влахе из Венеции» («Песни западных славян»): *Я неволен, как на привязи собака* [1, с. 33]. У него же в различных произведениях упоминаются «собачий сын» и «собачья дочь», «старый пёс» и т. д. В «Скупом рыцаре» Альбер по отношению к недругу: *...Иль рыцарского слова / Тебе, собака, мало?; ...Да знаешь ли, жидовская душа, / Собака, змей! что я тебя сейчас же / На воротах повешу* [12, с. 34]. В 1824-м Пушкин написал любопытную язвительную эпиграмму на профессора М.Т. Каченовского (издателя «Вестника Европы»), ошибочно принятого им за автора разозлившей поэта статьи «Второй разговор между классиком и издателем “Бахчисарайского фонтана”». Она гласит: «...охотник до журнальной драки, / Сей усыпительный зоил / Разводит опиум чернил / Слюною бешеной собаки» [21, с. 26]. Здесь, очевидно, существенное «собака» в сочетании с прилагательным «бешеная» подразумевает не заправляемое животное, а символизирует нечто неуправляемое, пышущее злобой в отношении врага или соперника.

У Пушкина концепт «собака» используется часто и в основном для придания негатива образам людей, которых он номинирует в своих произведениях производными от этого понятия как в творчестве, так и в личной переписке. К примеру: письмо к П.А. Плетне-

ву из Болдина от 29 октября 1830 года: «Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ее на съедение псам журнальным» (речь о готовившемся к публикации «Борисе Годунове») [29]. Слово «щенки» – о детях и молодых людях. Вновь «Борис Годунов»: «Народ, народ! в Кремль! в царские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!» [30]. В «Утопленнике»: «Вы, щенки, за мной ступайте!» [23]. Однако истинное отношение Пушкина к собакам отчетливо заметно в любовном описании пса по кличке Соколко, персонажа «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях». Он в этом произведении – существо, способное отличать добро от зла. Соколко с первой встречи стал верным другом царевны, а вот черницу, персонажа недоброго, пытался отвести от двора. Впоследствии он же мешал царевне надкусить ядовитое яблоко и продемонстрировал богатырям причины смерти царевны ценой своей жизни: *Братья в ту пору домой / Возвращались толпой... / Им навстречу, грозно воя, / Пёс бежит и ко двору / Путь им кажет... Вбежав, / Пёс на яблоко стремглав / С лаем кинулся, озлился, / Проглотил его, свалился / И издох...* [24]. Следует упомянуть о том, что знаменитое выражение «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» (так автор однажды сказал о себе, будучи рад, что окончил произведение) в стилистическом отношении является антифразисом – приемом, при помощи которого негативная коннотация слова «сука» (самка псовых) выражает грубоватое, шутовское, но все же одобрение [31].

Начиная с периода Серебряного века образ собаки в поэзии стал приобретать все более гуманистические черты, постепенно переставая ассоциироваться с чем-то презрительным, если речь идет о метафорическом переносе качеств или поведения животного на людей. Сергей Есенин, Иван Бунин, Рюрик Ивнев посвятили собакам стихотворения, которые положили начало их интерпретации как друзей и символа преданности. Тем не менее, многогранному концепту «собака», уточненному органически ей принадлежащими прилагательными («злая собака», «бродячая собака», «преданная как собака»), присущи богатые возможности литературной метафоры, описывающей не только друзей или бродяг, но и, к примеру, изгоев общества. Зинаида Гиппиус, написав стихотворение «Бродячая собака», очевиднейшим указала на судьбу эмигрантов, покинувших Советскую Россию, но не нашедших себя в чужих землях. Интересен каламбур, содержащийся в названии произведения: знаменитое дореволюционное петербургское артистическое кабаре называлось «Бродячая собака»; его постоянными посетителями были многие поэты Серебряного века, в том числе и не нашедшие себя при новой власти или эмигрировавшие в противоречивую с точки зрения общественно-политической жизни Германию, либо в более спокойные страны Европы. *Не угнаться и драматургу / За тем, что выдумает жизнь сама. / Бродила собака по Петербургу / И сошла собака с ума. / Долго вyla в своём подвале, / Ей противно, что пол нечист. / Препитанных невинных нету в зале, / Всегда-таем стал чекист. / Ей бы тёплых помоев корыто, – / Чекистских красных она не ест. / И обезумев, стала открыто / Она стремиться из этих мест. / Беженства всем известна картина, / Было опасностей без*

числа. / Впрочем, собака до Берлина / Благополучно добрела. / «Здесь останусь, – решила псина, – / Будет вдоволь мягких помой; / Народ знакомый, родные лица, / Вот Есенин, а вот Толстой». / Увы, и родные не те уж ныне! / Нет невинных, грязен подвал. / И тот же дьявол-чекист в Берлине / Правит тот же красный бал. / Пришлось собаке в Берлине круто. / Бредёт, качаясь, на худых ногах – / Куда? Не найдёт ли она приюта / У нас, на сенских берегах? / Что ж? Здесь каждый – бродяга-собака, / И поглупел – скажу не в укор. / Конечно, позорна собака, однако / Это еще невинный позор [25].

Советские и современные поэты и по сию пору не оставили связанные с собаками метафоры, как исчерпавшие себя. Напротив, дискурс взаимоотношений людей и собак обогатился, став более гуманистическим, а иногда и назидательным.

Сергей Михалков в своем коротком произведении для детей «Важный совет» описывает, как не следует обращаться с собаками, опосредованно намекая на важность доверия между воспитателем и воспитуемым, и читателю очевидно, что речь идет не только о кинологических премудростях, но и о человеческих взаимоотношениях. *Нельзя воспитывать щенков / Посредством крика и пинков. / Щенок, воспитанный пинком, / Не будет преданным щенком. / Ты после грубого пинка / Попробуй подзови щенка!* [2, с. 54].

Эдуард Асадов использует концепт «собака» как маркер сильной человеческой преданности, противопоставляя ее эгоистичному нраву, закрепившемуся, по его мнению, за представителями кошачьих. *Люблю я собаку за верный нрав, / За то, что всю душу тебе отдаю, / В голоде, в холоде или разлуке / Не лижет собака чужие руки. / ... / У кошки-дуры характер иной. / Кошку погладить может любой. / Погладил – и кошка в то же мгновенье, / Мурлыча, прыгает на колени. / Выгнет спину, трётся о руку, / Щурясь кокетливо и близоруко. / Кошке дешёвая ласка не стыдна, / Глупое сердце не дальновидно. / ... / Собаки умеют верно дружить, / Не то что кошки – лентяйки и дуры. / Так стоит ли, право, кошек любить / И тех, в ком живут кошачьи натуры?!* [3, с. 51]. Можно предположить, что за образом кошки здесь скрывается некая ветреная женщина или собирательный образ таковых; собака, по Асадову, является символом верности до последней минуты жизни, не забывает хозяйина и на чужбине, и в тяжелой ситуации.

Знаменитый советский актер и режиссер А.Л. Кайдановский оставил после себя лишь одно небольшое стихотворение, ставшее, впрочем, не менее памятным для его образа, чем работы в кино. Дело в том, что на самом деле это стихотворение было написано советским поэтом Игорем Моисеевичем Иртеневым специально для собаки актера – Зины. Однако в народной памяти оно осталось именно в исполнении А.Л. Кайдановского. Зина была обыкновенной дворняжкой, подбранной однажды в подвезде. Актер и режиссер, по словам близких, говорил: «Жены приходят и уходят, а Зина с Носиком (кот Кайдановского) остаются» [28]. Оставляя за рамками возможные проблемы хозяйина этих питомцев в отношениях с людьми, следует рассмотреть своеобразную эмоционально-смысловую инверсию, которая становится очевидна при сопоставле-

нии двух стихотворений – написанного Иртеневым и народного. Второе – русская «докучная» поэтическая сказка неизвестного автора, прочно укоренившаяся в народном фольклоре и знакомая всем. *У попа была собака, / Он её любил, / Она съела кусок мяса, / Он её убил, / В землю закопал, / И надпись написал:* (иногда ставится «что») */ У попа была собака...* Далее слова повторяются. Как видно из текста, негативно-уничжительная трактовка нравственных качеств относится не к собаке, а к представителю духovenства – жестокому хозяину, способному убить живое существо из-за обнаруженной недостачи в съестных запасах. Тем не менее, образ животного как расходного материала в хозяйстве, чья насильственная смерть – обычное дело, представляет интерес с точки зрения его репрезентации в народном сознании. Судя по всему, в прежние, более сложные с точки зрения выживания времена, превалировало пренебрежительное отношение простых людей к собакам, являющимися функциональными предметами, а не одушевленными существами. Данный стих вполне очевидно демонстрирует справедливость этого предположения: пес причинил финансовый ущерб и подлежал утилизации, проявив себя как негодный инструмент, больше не приносящий пользы (охраны имущества, а не его присвоения). В пользу этой гипотезы говорит и наличие в фольклоре множества соответствующих пейоративов, а также инвективной лексики, интерпретирующей условия жизни (дворовых в особенности) собак и присущих им черт характера («Собаке – собачья смерть», «Пёс подзаборный», «Псу под хвост», «Злой как собака», «Как собачьим нерезаных», «На какой пёс», «Как побитая собачонка», «Собачья жизнь», «Устал как собака» и т. д.). Сравнение вышеупомянутого фольклорного артефакта с интерпретацией И.М. Иртеньева / А.Л. Кайдановского дает понимание того, как далеко продвинулись люди в нравственном отношении по отношению к братьям нашим меньшим: *У меня была собака, я её любил, / Она съела кусок мяса – я её любил; / Она писала на коврике – я её любил; / Она тапочки сожрала – я её любил...* / И сказал я той собаке: «Видишь, всё терпело!» / И ответила собака: «Я тебя люблю» [28].

Наша современница, поэтесса Вера Полозкова, постепенно ставшая если не классиком, то известным представителем русской литературы XXI века и знаменитостью русского сегмента поэтического Интернета, написала стихотворение «Друг», в котором концепт «собака» рассматривается в аспекте «щенок, друг детей, верный напарник, тот, о ком надо заботиться» и также не содержит пейоративных коннотаций. *Это мой новый друг, / Только ещё щенок. / Ходит юлой вокруг / Собственных ног. / Папа его принёс. / Пахнет речной водой. / Лучший на свете пёс, / Но молодой. / Мир ему весь открыт: / Нюхать, кушать, трясти. / Только он спит и спит, / Чтобы расти. / Станет он ловек, быстр, / Будет катать детей. / Прыгать со мной до искр / Из-под когтей. / Будет могуч, умён, / Станет грозой врагу. / В общем, героя сон / Я стерегу* [27]. Прохладно, отстраненно, без сентиментальности Полозкова, тем не менее, перечислила все качества собаки, которые люди подсознательно от нее ожидают: быстроту, поведенческие привычки щенка и взрослого пса, готовность защи-

тить хозяина, а также привязанность хозяина к своему питомцу.

Произведение «Стихи о собаке» другого нашего современника – Дмитрия Воденникова – является, безусловно, прорывом в русском поэтическом дискурсе. Будучи признанным новым классиком, он стал одним из спонтанных инициаторов максимально гуманистической трактовки образа собаки, не избегая, впрочем, переноса антропоцентрических понятий на присущее ей поведение и обратно. Особенно ярко это видно в нижеприведенном отрывке одного из его стихов, посвященных собаке Чуне: *...Потому что я сам считаю её – своей последней любовью. Ну а последняя любовь – она ведь всегда такая. / Однажды она спала (трёх месяцев с чем-то от роду) / и вдруг завyla, затаивала, как будто бы догоняя / небесного сенбернара, огромного, будто облако. / А я подумал, что вот – рассыплется в пыль собачка, / но никогда не сможет мне рассказать, какая / была у них там, в небесах, – веселая быстрая скачка / и чего она так завyla, в небесах его догоняя. / Но всё, что человек бормочет, видит во снах, поёт – / всё он потом пересказывает – в словах, принятых к употреблению. / Так средневековой монахине являлся спящий Тот / в средневековой рубашке, а не голенький, как растение [5, с. 193].*

Воденников интерпретирует историю взаимоотношений человека и собаки если не как союз равных, то, по крайней мере, как тандем существ, способных понять друг друга. Зооним «собака» в его произведении выходит на новый уровень: это существо, которое, как и человек, имеет свои чувства, намерения, сны и желания, а не только служебную, в лучшем случае – напарническую – функцию. Также в произведении опосредованно и довольно вольно трактуется понятие «Бог» в фантазиях о посмертном опыте, где **Он** метафорически ассоциируется с огромным сенбернаром, который в свою очередь должен встретить его собаку по ту сторону бытия. *А когда настоящая смерть, как ветер, за ней придёт, / и на большую просушку возьмет – как маленькую игрушку: / глупое тельце её, прохладные длинные уши, / трусливое сердце и голый горячий живот – / тогда – я лягу спать (впервые не с тобой) / и вдруг приснится мне: пустынная дорога, / собачий лай и одинокий вой – / и хитрая большая морда бога, / как сенбернар, склонится надо мной (Там же, с. 195).*

Нельзя не заметить, что тоска из-за будущей и совершенно точно предопределенной смерти собаки поддерживается пониманием, что смертны все живые существа; как относиться к этому факту поэт не говорит, но на примере горячо любимой Чуни смотрит в горние дали, представляя, что ждет людей за горизонтом бытия.

В русском поэтическом дискурсе концепт «собака» по праву занимает важное место, обусловленное значимостью друга человека и богатыми возможностями метафорического переноса, потенциально доступного поэту при интерпретации этого образа. Исследование русской поэзии в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и поэтики открывает перспективы сопоставления восприятия собаки в русском и иностранных литературных поэтических

текстах, уточнения объема понятия «собака», детализации сем, входящих в этот концепт, функций метафорической номинации людей производными от главного понятия (напр., пес, псина, щенок, та еще жучка и т. д.). Эти исследования будут направлены на дальнейшее понимание и фиксацию синхронической и диахронической языковой картины мира носителей русского языка.

Литература

1. Абрамов, М. А. Структурные и циклические закономерности в природе, обществе, искусстве : учебное пособие для студентов всех специальностей / М. А. Абрамов ; Министерство образования Российской Федерации, Саратовский государственный технический университет. – Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2001. – 895 с.
2. Александров, В. П. Сергей Михалков: Биография творчества / Владимир Александров. – 3-е изд., испр. – Москва : Современник, 1988. – 271 с.
3. Асадов, Эдуард Аркадьевич (1923–2004). Избранное : [стихотворения, поэмы] / Эдуард Асадов. – Москва : Эксмо, 2015. – 574 с.
4. Битокова, С. Х. Метафорическое использование зоонимов в формировании языковой картины мира / С. Х. Битокова // Проблемное описание и преподавание романогерманских языков. – Нальчик, 1996. – С. 24–30.
5. Воденников, Д. Б. Небесная лиса : [стихотворения и поэмы: 16+] / Дмитрий Воденников. – Санкт-Петербург : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. – 222 с.
6. Жанр надписи в творчестве Г. Р. Державина (стихи на смерть собаки) // Русская литература. – 2021. – № 2. – С. 31–39.
7. Крылов, И. А. Басни : [для начальной школы] / И. А. Крылов ; рисунки А. Лаптева. – Москва ; Ленинград : Издательство и ф-ка детской книги Детгиза, 1947. – 78 с.
8. Крылов, И. А. Избранные басни: [12+] / Иван Андреевич Крылов. – Тверь : Триада, 2019. – 32 с.
9. Леонов, И. С. Поэтика русской эпиграммы XVIII – начала XIX века : 10.01.01 : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Леонов И. С. – Москва, 2006. – 210 с.
10. Ли Имо. Русские зоосемизмы в зеркале русскокитайского словаря / Ли Имо // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2020. – Т. 12, вып. 3. – С. 49–58.
11. Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода / С. Х. Ляпин // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск : Издательство Поморского университета, 1997. – Вып. 1. – С. 11–35.
12. Пушкин, А. С. Маленькие трагедии: [для старшего школьного возраста: 12+] / А. С. Пушкин ; художник Ф. Д. Константинов. – Москва : Детская литература, 2021. – 140 с.
13. Пушкин, А. С. Стихотворения Александра Пушкина / подготовил: Л. С. Сидяков ; ответственный редактор: Ю. М. Лотман, С. А. Фомичев. – [2-е изд., стер.]. – Санкт-Петербург : Наука, 2007. – 640 с.
14. Рыжкина, О. А. Системное исследование зооорфизмов в русском языке (в сопоставлении с английским) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / О. А. Рыжкина. – Москва, 1980. – 37 с.
15. Сетаров, Р. Д. Метафорическая номинация в национальном языковом сознании / Р. Д. Сетаров. – Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2005. – № 2. – С. 92–98.
16. Склярская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Склярская. – 2-е изд. – Санкт-Петербург, 2004. – 150 с.

17. Степанов, Н. Л. Басни Крылова / Н. Степанов. – Москва : Художественная литература, 1969. – 110 с.
18. Федоров, М. А. Основные понятия лингвокультурологии : учебное пособие / М. А. Федоров ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – 95 с.
19. Цай Сяо-лин. Наименования лиц с негативным значением в русском языке / Цай Сяо-лин // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы : Международная интернет-конференция (май 2004 г.) : труды и материалы / Московский государственный университет леса. – Москва, 2004. – С. 313–315.
20. Чернейко, Л. О. Лингво-философский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – Москва, 1997. – 319 с.
21. Эпиграммы (Пушкин, Вяземский, Соболевский и другие). – Москва : Огонек, 1929. – 56 с.
- Электронные ресурсы
22. Academia. – URL: www.academia.edu/5923208/Wierz_bicka_Anna_1985_Lexicography_and_conceptual_analysis (дата обращения: 19.09.2022). – Текст : электронный.
23. Культура. РФ. – URL: www.culture.ru/poems/4828/utoplennik (дата обращения: 17.09.2022). – Текст : электронный.
24. Культура. РФ. – URL: www.culture.ru/poems/4449/skazka-o-mertvoi-carevne-i-o-semi-bogatyryakh (дата обращения: 10.10.2022). – Текст : электронный.
25. Культура. РФ. – URL: <https://www.culture.ru/poems/26916/brodyachaya-sobaka> (дата обращения: 12.10.2022). – Текст : электронный.
26. Сочинения Державина. – URL: https://imwerden.de/pdf/derzhavin_sochineniya_tom3_1866_ocr.pdf (дата обращения: 12.10.2022). – Текст : электронный.
27. Библиотека. – URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/polozkova-vera/stihi-iz-onlajn-2013-2017> (дата обращения: 05.10.2022). – Текст : электронный.
28. Prosodia. – URL: <https://prosodia.ru/catalog/stikhotvo-renie-dnya/aleksandr-kaydanovskiy-u-menya-byla-sobaka/> (дата обращения: 07.10.2022). – Текст : электронный.
29. Pushkin-lit.ru. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/pisma/361.htm> (дата обращения: 16.10.2022). – Текст : электронный.
30. Pushkin-lit.ru. – URL: http://pushkin-lit.ru/pushkin/text/boris-godunov/godunov_5.htm (дата обращения: 12.10.2022). – Текст : электронный.
31. РББ. – URL: https://rvb.ru/pushkin/01text/10letters/1815_30/01text/1825/1355_172.htm (дата обращения: 03.11.2022). – Текст : электронный.
32. Дмитрий Воденников : официальный сайт. – URL: http://www.vodennikov.ru/poem/dva_stihovorenija_2007.htm (дата обращения: 15.10.2022). – Текст : электронный.

Yu.A. Cheremnykh

REALIZATION OF THE CONCEPT «DOG» IN RUSSIAN POETIC DISCOURSE

The study deals with the lexical units associated with the concept of «dog» in the Russian poetic discourse of the 18th–21st centuries. Zoomorphisms, being the result of metaphorically endowing people with the behavioral qualities of animals, represent a wide field for research using the methods of cognitive linguistics, linguoculturology, stylistics, semantics and other disciplines that study the word-formation possibilities of the language and the prerequisites for them in the national culture. Poetic discourse, which is especially rich in metaphors by its nature, presents the reader the motive and result of the transfer of «the quality of an animal to the similar quality of a person». Due to the transfer the animalistic vocabulary tends to be introduced into phraseological units, idioms, proverbs, etc., which subsequently are fixed in dictionaries.

Dog, concept, metaphor, zoonym, zoosemism, poetry, discourse.